

Старший научный сотрудник
Псковского музея-заповедника
кандидат исторических наук
Александров А.А.

Войны на Псковской земле в X веке

В мае 2012 года начался проект «Археология, власть, общество: сотрудничество для сохранения археологического наследия» по программе приграничного сотрудничества «Эстония – Латвия – Россия» в рамках Европейского инструмента соседства и партнёрства 2007–2013 гг. Проект объединяет 9 партнёрских организаций из Эстонии, Латвии и России под руководством Тартуского университета. Основным направлением деятельности по проекту является сохранение и популяризация общего археологического наследия приграничных территорий как Псковской земли, так и Латвии и Эстонии. В данной статье сотрудник одной из партнёрских организаций проекта, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Псковского музея-заповедника, Анатолий Алексеевич Александров рассказывает о военных событиях, которые происходили на Псковской земле на заре российской государственности.

Летопись сразу за сообщением о призвании в 862 году князей Рюрика, Трувора и Синеуса сообщает о них: «...и начаша воевати всюду». Поскольку резиденциями князей стали – соответственно – Ладога, Изборск и Белоозеро, получаем весьма обширную территорию русского северо-запада и северо-востока, где с призванием князей начались какие-то боевые действия. Но не совсем понятно – кто с кем и за что дрался. Из той же летописи известно, что некоторое «неустройство» в среде местных племён наступило сразу же вслед за изгнанием неких «варягов», бравших здесь дань: «Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и встарод на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся». Учитывая,

что в коалицию, призвавшую Рюрика и братьев с дружинами, входили, всё по той же летописи, чудь, словене, кривичи и весь – конгломерат племён многонациональный, – возникает, естественно, вопрос: а с кем именно немедленно «почаша воевать всюду» боевые подразделения Рюрика и братьев? С теми, кто их призвал, ради наведения порядка и управления, или были ещё какие-то причины для ведения боевых действий? Первое весьма сомнительно: а зачем было призывать на свою голову одних варягов, только что сбросив владычество других? Всякого рода «усобицы» в среде славянских племён – дело обыкновенное; призвать третейских судей и управленцев в виде князя и дружины – это одно, а вот немедленно вовлекать их в какие-то боевые действия на своей территории или на её границах – это нечто совсем иное. Дошедшие до нас летописи по этому поводу не сообщают больше ровно ничего. Тем не менее, посмотрим, что тут можно сделать.

О какой-то военной активности первых русских князей сообщают внелетописные источники. На один из таких источников обратил внимание Д.А. Мачинский – это изданная в 1791 году «Подробнейшая история государей Российских», которая в части своих сведений восходит к утраченным ныне летописям. Так вот, чем же занимался Рюрик в годы своего правления? В 864 году «...по двою лету умре Трувор и Синеус, оба бесчадна, остася един Рюрик, и нача владети всею Рускою землёю, и сбираху дани на Словянех и на Кривичах и на Мери, и на Муроме... и посла Воеводу своего именем Валета, и повоева Корелу, и дань на них возложи... В лето 6387 умре Рюрик в войне в Кореле». Валет – это здесь вовсе не карточный термин; первоначально – это Валит – титул карело-финских старейшин.

Итак, если верить источнику, Рюрик выбрал северное направление, и именно внешней экспансии. Очевидно, для замирения внутренних усобиц достаточно было мирных, дипломатических усилий. Теперь попытаемся понять, чем занимался князь Трувор, о котором летописям вообще ничего не известно. Но так, по-видимому, было не всегда. Русский историк конца XIX века князь Михаил Щербатов в первом томе своей «Истории Российской» со

ссылкой на Стрыйковского сообщает, «...что Трувор умер под Вильною, знатно стараясь границы земель владения своего расширить». Но и Стрыйковский с потолка такое тоже взять не мог. Сейчас мы знаем, что в юго-восточной Литве, в 30-ти км к северо-западу от Вильнюса, в местечке Кернаве, имеется комплекс из трёх огромных городищ – центр формирования литовской государственности. Одно из них относится к рассматриваемому времени. Возникает вполне резонный вопрос: а что там делал Трувор в некотором, скажем, отдалении от своей базы – от Изборска? Некоторое прояснение даёт летопись, которая в числе данников Ранней Руси называет племя нерома: «Нерома [Норома] сиречь Жемоить», на что давно обратили внимание. Судя по топонимике, проанализированной Д.А. Мачинским, эта норома/нерома «сидела» на землях русского северо-запада, занимая северные половины современных Псковской и Новгородской областей; очаг «неромской» топонимии известен также в Белоруссии, где вообще было довольно значительное балтийское присутствие. В составе инвентаря сопок – высоких курганов X века, принадлежавших верхушке тогдашнего русского общества и расположенных на землях этой самой северной неромы, встречаются бронзовые спиральные наконечники жемайтского типа, но с иной, чем в самой Литве, орнаментикой. Очевидно, что это не трофеи походов, а местные новации «насельников» здешних мест. Хорошо известны балтийские элементы и в предшествующей культуре псковско-новгородских длинных курганов, где есть вещи просто литовских типов. Общая датировка культуры – V–VII века, но её верхний хронологический рубеж так и не был сколько-нибудь достоверно определён. Скорее всего, остатки этого населения дожили и до VIII, и до IX, и до X веков, дав, в конце концов, ту самую летописную нерому. Приблизительно в те же века на северо-западе фиксируется импульс славянского продвижения с юга, и, очевидно, некоего возврата на полузабытую историческую прародину. Продвинувшиеся группы славян нашли эту территорию не пустой, а заселённой, в том числе и населением, говорившим на неких балтийских (пралитовских?) диалектах.

Вероятно, оба этноса пришли к состоянию затянувшегося конфликта. Показательно хотя бы то, что ни литва, ни нерома не входят в состав коалиции, призвавшей Рюрика и братьев. Ясно, что боевые дружины Трувора, на территории квартирования которых выявилось это противостояние, неизбежно должны были начать боевые действия, естественно, на стороне тех, кто их призвал и им платил. Противоположная сторона, по логике войны, также неизбежно должна была обратиться за помощью в коренные земли своего первоначального расселения. Внутрислокальный конфликт перерос в большую войну. Трувор и Рюрик, викинги первого поколения на Руси, могли придерживаться только одной тактики – наступательной. При этом личная безопасность для них мало что значила – «конунг рождён не для долгой жизни, а для громкой славы». Трудно сказать, чем кончился поход в Литву, но Трувор в этом походе, очевидно, погиб. После смерти братьев Рюрик правил единовластно.

Кроме того, с 862 по 882 годы Восточная Европа была разделена на два враждующих между собой лагеря: с одной стороны – северная Русь Рюрика и Олега, с другой – южная Русь Аскольда и Дира. Это противостояние достаточно хорошо показано Шахматовым.

По составу участников походов на Византию мы знаем, что без участия и поддержки восточнославянских племён ни одно из таких мероприятий не могло иметь места. Точно так же шли боевые действия и в Восточной Европе.

Исход этой долгой 20-летней войны до последнего момента оставался неопределённым. И война эта никак не могла состояться без участия и поддержки тех же восточнославянских племён – южной коалиции, с одной стороны, и северной – с другой. Естественно, что обе стороны в этой войне использовали все имевшиеся у них резервы, то есть, какие-то группы населения с территории будущей Псковской земли неизбежно должны были принимать участие в этих боевых действиях.

В 879 году (по летописи) умирает Рюрик. Наступает правление малолетнего Игоря и регентство Олега. По одному из списков летописи, в 882

году Олег идёт на захват у южной коалиции кривичского Смоленска именно с кривичами. Согласно «Подробнейшей истории», после занятия Киева в 882 году «иде Олег войною на Древлян и на Северы, и повоева их, и дань возложи... и начаша... дань имати на Мордве и на Черемисе и на Перми и по Печоре и на Кореле». Земли Биармии – Перми и Печоры – были уже известны скандинавам во время их северных плаваний, и установление контроля над ними вполне реально. Тем более, что оттуда поступали ценнейшие меха, за которые арабские купцы платили серебром. Итак, экспансия, начатая в 862 году, идёт по нарастающей; схема всё та же – поход–война–дань.

А вот исследование последующих событий началось для меня с одной маленькой исторической загадки – в своей книге «Псков» известный архитектор Ю.П. Спегальский написал: «После нападения на Псков полоцкого князя Рогволода, то есть после 977 года, укрепления Крома, вероятно, были значительно усилены». После некоторых поисков первоисточник этого уникального сообщения нашёлся у Н.С. Ильинского в его «Историческом описании города Пскова» 1790 года издания. Ильинский, понятное дело, не ссылается ни на кого. Вот что он об этом пишет: «В 977 году Владимир по смерти своего отца, имея неудовольствие на Полоцкого Князя Рохволда, который воевал волости Новгородские и град Псков взял, отъезжал к Варягам и тамо собирал войска за деньги». Очередной внелетописный источник, который эти события тоже откуда-то взял – возможно, из какой-то не дошедшей до нас летописи. Дошедшие же до нас летописи ни о каких таких подвигах Рогволода в Псковской и Новгородской землях не сообщают – «Повесть временных лет» отмечает только: «Слышав же се Владимир в Новгороде, яко Ярополк уби Ольга, убоявся бежа за море. А Ярополк посадники своя посади в Новгороде, и бе володея един в Руси». Произошло следующее: старший сын Святослава, законный наследник киевского престола великий киевский князь Ярополк, действуя жёсткой вооружённой рукой, произвёл объединение всех русских земель. Один его брат – Олег древлянский – был убит войсками Ярополка,

другой сводный брат – Владимир, – не дожидаясь той же участи, бежал за море в Скандинавию собирать наёмное войско. Согласно сообщению источника, приводимого Н.С. Ильинским, это произошло не сразу, а после некоторого вооружённого сопротивления, организованного Владимиром: в неких новгородских волостях людям Ярополка пришлось вести боевые действия, а Псков, который не хотел сдаваться, по-видимому, пришлось брать штурмом. Несколько другую окраску приобретают и последующие события. На три года раньше, чем в летописи, упоминается полоцкий князь Рогволод, который действует в интересах и по поручению Ярополка. Становится ясно, что это его ставленник, им же в Полоцке и посаженный.

Через два года, в 980 году, Владимир появляется с войском: «Приде Володимер с варяги Ноугороду, и рече посадником Ярополчим: «Идете к брату моему и рцете ему; «Володимер ти идеть на тя, пристраивайся противу бится». И седе в Новегороде». «Подробнейшая история» уточняет: «...приде Великий Князь Владимир из за моря со многими Варяги в великий Новград, и согна Наместники и Посадники Ярополковы». Пауза в войне закончилась. Обе враждующие стороны активно готовились к боевым действиям. Очевидно, что Владимир, снова вокняжившись в Новгороде, отбирает у Ярополка и Псков. Возможно, что это произошло не сразу.

Затем Владимир предпринимает попытку «перетащить» на свою сторону полоцкого князя Рогволода, для чего отправляет сватов к его дочери Рогнеде: «И посла ко Рогволоду Полотьску, глаголя: «Хочю пояти дщерь твою собе жене». Он же рече дщери своей: «Хочеши ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». После такого ответа «...Володимер же собра вои многи, варяги и словени, чюдь и кривичи, и поиде на Рогволда. В се же время хотячу Рогнедь вести за Ярополка. И приде Володимер на Полотеск, и уби Рогволода и сына его два, и дчерь его поя жене». То есть, Рогволода с сыновьями убили, а Рогнеду взяли в жёны Владимиру принудительно.

Софийский список новгородской летописи имеет любопытное расхождение: «И посла Добрыню ко Рогволоду, князю Псковскому». Возможно, что к моменту владимирова посольства Рогволод всё ещё владел Псковом и даже мог там находиться; та же летопись иначе отмечает начало похода Владимира на Рогволода: «...и приде Володимер на Псков, и уби Рогволода».

То, что попытка переманивания Рогволода могла иметь место, косвенно подтверждает точно такая же история с «перетаскиванием» на свою сторону Владимиром главного ярополкова воеводы – Блуда. Там это сработало. Воевода Блуд даже организовал убийство Ярополка. И пережил Ярополка ровно на три дня – Владимир не простил ему убийства брата.

Источник: Псковские новости.